

те в XVIII в., по словам В.Н. Малова, “общество стояло перед выбором: просвещенный абсолютизм или власть народного представительства, альтернативного “парламентского” пути уже не было” (с. 468). Впрочем, последний вывод представляется излишне прямолинейным, так как 100 лет спустя, в ходе политических дискуссий 1750–1760-х годов именно парламенты – с переменным успехом – пытались выступать в роли представителей нации и гарантов ее прав.

В чем же причины поражения парламентской Фронды? Помимо целого ряда допущенных ее вожаками политических ошибок, автор обращает внимание на то, что судейские не разбирались в экономике и финансах и в результате их деятельность привела к полному расстройству кредита. Позиции парламента ослаблялись также отсутствием разработанной политической доктрины. “Идеологическая позиция парламента, – пишет автор, – не позволяла ему четко обосновать законность своего открытого противостояния воле государя. Этому мешало принятие принципа единого и нераздельного суверенитета, целиком принадлежащего монарху” (с. 462–463). Данный вывод не вызывает принципиальных возражений, но, думается, идейные течения в парламентской среде во время Фронды нуждаются в дальнейшем исследовании. Отметим лишь, что среди парламентских идеологов были и такие, кто считал парламент органом, призванным сдерживать абсолютную власть короля (К. Жоли), или даже рупором нации, заменившим Генеральные штаты (Л. Машон)⁷.

⁷ *Joly C. Recueil des Maximes véritables et importantes pour l'institution du Roy contre la fausse et pernicieuse Politique du Cardinal Mazarin prétendu surintendant de l'éducation de sa Majesté. Paris, 1652; Machon L. Les Véritables Maximes du gouvernement de la France, justifiées par l'ordre des temps, depuis l'établissement de la Monarchie jusques à présent. Paris, 1652.*

БРИТАНСКАЯ ОЙКУМЕНА РОССИЙСКОЙ НОВИСТИКИ: к 70-летию ПРОФЕССОРА И.И. ШАРИФЖАНОВА. Казань: издательство Казанского университета, 2010, 368 с.

Проблемы британской истории традиционно на протяжении многих десятилетий привлекали внимание российских исследователей. Ученые рассматривали социокультурные аспекты британского прошлого, вопросы политической, экономической и внешнеполитической истории Туманного Альбиона. В разные времена приоритетными становились те или иные аспекты. Но неизменно привлекала внимание британская история нового времени – период,

Книга бы выиграла, если бы в ней был шире представлен современный историографический контекст. Некоторое удивление вызывает то пристальное внимание, которое уделено работам Б.Ф. Поршнева. Помимо отведенных ему трех страниц “Историографического введения”, к полемике с этим историком автор неоднократно возвращается на протяжении всей книги. В этом, разумеется, есть определенная логика: Б.Ф. Поршнев был единственным отечественным историком, писавшим о Фронде. Но все-таки его работы написаны полвека назад, а читателю было бы не менее интересно узнать мнение автора о концепциях, изложенных в работах современных историков (К. Жуо, М. Перно, О. Ранума), о которых в книге говорится мимоходом или вообще упомянуто лишь в сносках. Так же вскользь сказано и о том, что в историографии идут споры об “абсолютизме” и ряд историков отказывается от употребления этого термина (с. 62)⁸. Постоянно оперируя понятием “абсолютизм”, автор не обосновывает правомерности его употребления.

В целом книга В.Н. Малова – основанное на богатом фактическом материале глубокое исследование, в котором показан один из самых драматичных периодов в истории Франции раннего Нового времени. При этом в ней удачно сочетаются научная фундаментальность и увлекательность повествования, что делает ее особенно интересной для читателя.

Л.А. Пименова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры новой и новейшей истории
стран Европы и Америки исторического
факультета
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова

⁸ Такая точка зрения отражена, в частности, в переведенной на русский язык полемической работе Н. Хеншелла “Миф абсолютизма” (СПб., 2003).

изучением которого занимается И.И. Шарифжанов. К его юбилею издан рассматриваемый сборник¹. Представленные в нем статьи в равной мере отражают научные интересы юбиляра и те проблемы, которыми занимаются российские англоведы.

¹ Редакционная коллегия сборника: доц. О.В. Бодров, проф. Т.Л. Лабутина, доц. Б.М. Ягудин, доц. В.Е. Туманин, ст. преп. Е.С. Маслова.

В книге опубликованы приветственное слово ректора Казанского (Приволжского) федерального университета проф. И.Р. Гафурова, поздравления Ассоциации англоведов Института всеобщей истории РАН, Института славяноведения РАН и Комиссии историков России и Польши.

Сборник статей состоит из трех разделов. В первом представлен портрет профессора И.И. Шарифжанова как ученого. Вклад И.И. Шарифжанова в развитие новистики, отечественного англоведения, исторической полоники охарактеризовали к.и.н. О.В. Бодров, Б.М. Ягудин, Л.Л. Норден, В.Е. Туманин, д.и.н. Б.Г. Могильницкий и Т.А. Сидорова. Мнения коллег и учеников представлены в материалах д.и.н. И.Р. Тагирова, О.В. Синицина и Г.В. Рокиной, к.и.н. Р.В. Пеньковцева.

И.И. Шарифжанов, как отметил Б.Г. Могильницкий, “автор многочисленных монографий, статей, учебных пособий и иных публикаций в отечественной и зарубежной печати, признанный научный авторитет, приглашенный профессор Британской Академии наук”. Его интересуют многие проблемы: “от общих вопросов методологии истории до освещения русской и советской истории в школьных учебниках США и Западной Европы” (с. 34). Ученый “находится в завидной творческой форме в окружении друзей, коллег, единомышленников, учеников” (с. 35).

Второй раздел посвящен традиционным и новым подходам в российском англоведении. Отрадно, что в этот раздел вошел целый ряд теоретико-историографических статей по наиболее актуальным проблемам современного гуманитарного знания.

В самом деле, размышляя о месте исторического, и, шире, гуманитарного знания в эпоху глобализации, редко кто из исследователей не задается вопросом об изменившемся статусе знания о прошлом. Роль истории теперь представляется не просто в качестве рассказа о прошлом или даже “учительницы жизни”. Историческое знание, как справедливо отметила д.и.н. Л.П. Репина, корреспондируясь с интеграционными и глобализационными процессами, должно преодолевать национальные границы и стремиться к той макроперспективе глобальной истории, которая ориентирована “на изучение экологических, эпидемиологических, демографических, культурных и интеллектуальных последствий развития глобальных взаимосвязей” (с. 105).

Очевидно, что в качестве “ответа” на глобализационные вызовы можно рассматривать и отчетливо проявившуюся внутреннюю тенденцию в гуманитарном и социальном знании, направленную на преодоление внутренних

границ. Об этом свойстве социальных наук на протяжении последних лет написано немало², но важно, что само понятие “междисциплинарности” со временем уступило место “трансдисциплинарности” и “интердисциплинарности”, что отражает саму тенденцию в смене эпистемологических ориентиров.

Еще одной “линией” в современном англоведении стало возвращение интереса к интеллектуальной истории Британии, включая религиозные традиции и просветительское движение. В последнее время исследователями не раз отмечалось, что британское Просвещение – до сих пор недостаточно изученный феномен³. И по-прежнему актуально утверждение, что “история столь содержательного и яркого идейно-культурного движения мирового масштаба и долговременного значения, каким было английское Просвещение, всесторонне не раскрыта, полностью не объяснена и – главное – не оценена еще в должной и достаточно удовлетворяющей мере”⁴.

Представленные в сборнике материалы опровергают бытующее упрощенное представление о том, что сутью религиозного конфликта в новое время было противостояние католиков и протестантов. Такой взгляд, как полагает д.и.н. Т.Л. Лабутина, редуцирует реально существовавшие противоречия, которые не сводились к бинарной оппозиции, а отражали значительно более сложную борьбу. В нее были вовлечены не только католики и протестанты, но и приверженцы деизма, и представители ряда других конфессий. Данное обстоятельство наложило свой отпечаток на формирование просветительского отношения к религии (с. 114).

В рецензируемом сборнике несколько материалов посвящены культурно-религиозному измерению британской истории нового времени. Это статьи д.и.н. Н.С. Креленко об образе пуританина в английской литературе XVII в., д.и.н. В.Н. Ерохина об историографии отношения английских католиков и протестантов к власти в новое время, к.и.н. Л.Л. Норден о концепции К. Хилла о религиозном факторе в английской революции XVII в.

В современных подходах к политической истории Туманного Альбиона можно выделить две тенденции: ученые проявляют интерес как к персональному, так и к интеллектуальному измерению политики. На примерах деятель-

²См., например: *Репина Л.П.* Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории. – Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, вып. 15. М., 2005.

³Британские исследования, вып. 3. Ростов-на-Дону, 2010, с. 13.

⁴Просветительское движение в Англии. М., 1991, с. 6.

ности таких творцов британского прошлого как Джон Черчилль и принц Руперт историки показали несводимость былого к социально-экономическим и политическим закономерностям. И тогда история действительно приобретает “человеческое лицо”, а у неискушенного читателя просыпается к ней интерес. Попытки интеллектуального измерения политики у современных историков свидетельствуют не столько о поиске идеологических основ тех или иных политических решений и действий, сколько о стремлении придать политической истории характер непредопределенности и недетерминированности. Одним из факторов принятия политических решений в Британии была история. Она, по мнению д.и.н. М.П. Айзенштат, являлась важным, неотъемлемым компонентом политической мысли и политической жизни страны (с. 121).

Связь истории и политики рассматривается и в историографических статьях сборника. В ряде материалов показано, что исторические сочинения способны вызвать обширную общественную дискуссию. Современные исследователи могут найти в наследии историков прошлого гипотезы, проблемы, темы для своих научных изысканий. В частности, в значительной степени это характерно для творчества Ф.У. Мейтленда, влияние “критической” концепции которого проявилось в английской и американской историографии в различных областях, включая социально-экономическую историю, историю права, конституционную историю и историю парламентаризма, где сложились два направления “корпоратистское” и “парламентистское” (с. 201).

Британская историография, будучи частью всемирного историописательного процесса, с одной стороны, не могла не испытывать

его влияния, а, с другой, в большой мере определяла мировую конъюнктуру в практиках исторического исследования. Российские исследователи живо отзывались на труды своих британских коллег и сегодня продолжают с интересом следить за тем, что происходит в академической среде Великобритании.

Третий раздел сборника статей, посвященный отечественной новистике в теоретическом, национальном и культурном измерении, знакомит читателя с широким академическим контекстом. Здесь представлены работы известных ученых д.и.н. Н.И. Смоленского, Е.Г. Блосфельд, А.Б. Соколова, Г.В. Рокиной, а также аспирантов кафедры новой и новейшей истории Казанского (Приволжского) федерального университета. Все они по-своему интересны и достойны внимания читателя. Важно, что благодаря таким работам создается пространство глобальной истории, о котором так много сегодня говорят. История в глобальном измерении требует не только новых методов и практик исследования, но и постановки соответствующих проблем, решение которых стимулировало бы формирование собственно исторической идентичности и осознания нового места истории в современном социокультурном пространстве.

В.Ю. Апрыценко,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой новой и новейшей
истории
Южного федерального университета;

И.М. Узнауров,
доктор исторических наук,
первый проректор по учебной работе
Южного федерального университета.